

Он летнею ночью уснул навсегда,
Бессонница где-то отстала...
Я видел, как в небе погасла звезда,
Упав на его одеяло.

И минуло лето, и клин в облака,
Навечно с землёю в разлуке,
Поднялся...
Я видел крыла вожака,
Я знал эти сильные руки.

Когда в колеях заблестел гололёд,
И вьюги ложились на плечи,
Мне ведомо было, что он не придёт
Ко мне обогреться под вечер.

А ранней весною накрыло леса
Прибоем цветов-первоцветов.
Я в них отыскал голубые глаза,
Прощенья просил и ответа.

Но мне не ответило небо, за что
Случилась отцовская мука,
И смертным бывает любви колдовство,
И вечной бывает разлука.

АВГУСТ 2017

Задумчиво листаю свод страниц
Своей судьбы

и, несомненно, вправе
Воскликнуть:

“Заповедный август — AVE!

Я ждал твоё мерцание зарниц
Из чёрных туч, парящих так весома
Над линией лесного окоёма
В молчании к земле припавших птиц”.

Пусть голос грома, накалён и груб,
Рой ласточек спугнёт, чтоб те — над нами
Поднялись в небо, в суете и гаме.
Им вслед шепну, не разжимая губ:
“Родства не обрывая пуповину,
Мою молитву донесите сыну
И горький запах георгинов с клумб...”

Осенним одиночеством звенит
Хрустальный воздух,

и не может Руза
Стать Летой для вины отцовской груза,
С которым мне не улететь в зенит,
К тебе, мой мальчик, — журавлёнок в стае,
Которая крылами, как крестами,
Нас, грешных, напоследок осенит.

Гармония души — навек; прости,
Заложница судьбы поэта в споре,
Где на кону стоят печаль и горе,
И радость слов, которых донести
Не доведётся — людям в книг конверте,
Скрывающем забвенье и бессмертье,
Как персть земли, зажатую в горсти.

21 ДЕКАБРЯ /Полугодины/

Да лягут снега на обитель твою,
На новую,

с бабушкой рядом!

С седой головою в молчанье стою
Под жёстким седым снегопадом.

И купол церквушки, и абрис креста
Покрыла ворон плащаница.
За дальней оградой стучат поезда,
Погост огибает столица.

Ваганьково,

снеги

да камень-гранит,

Да тень прапрадедова стяга.
Пусть небо твой путь одинокий хранит
В туманности млечной, бродяга.

Я помню в ладони ручонку твою,
И кеды, спешащие рядом...
Немного осталось... Но я достоин
Под нашим с тобой снегопадом!

СНЕГИРИНАЯ ПАНИХИДА

И падает снег, и, отбившись от рук,
В угрюмое, зябкое небо
Летит запоздалая стая на юг,
Где зрелищ хватает и хлеба.

Как выбранный невод, скукожилась ширь.
Повыползли Божие страхи...
А я остаюсь, как российский снегирь,
В кровавой отцовской рубаше,

Которую сын мой примерить успел.
Земля ему — прахом и пухом.
Я б песню ему средь трилистников спел,
Овеянных Троицы духом.

Он в жаркую пору июня унёс
Отцовское сердце в ладони.
И только с утра пробудился мой пёс,
Призвав к бесполезной погоне.

И что остаётся? Читать Псалтири
На жизнь возведённой плахе?
И клювом в окошко стучат снегири
В отцовской горючей рубаше!

У ИСТОКОВ РУЗЫ

*Истоки реки Рузы лежат на Московской воз-
вышенности...*

*Истоки реки Иордан лежат у горы Хермон...
ранее принадлежавшей Сирии...*

Материалы Википедии

Я хочу попросить прощения
Перед вами, мои стихи
Нерождённые...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

Да не будут они обузою,
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи,
Щукой спрячутся в глубину.
А когда потеплеет — в паводье,
Как Ковчег, подплывут к окну.

Но пока у моей оконницы
Табунятся Крещенья сны.
Не прорвать им заплот бессонницы
Скоком святочной старины!

Так, глядишь, и замёрзнут, сырые,
Как в заволжских степях Орда...
Ведь Россия теплом — не Сирия,
Да и Руза — не Иордан,

Чьи истоки — в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России — свои окрестности,
У России — свой разговор.

Хоть над Сирией — небо синее,
Над Россией — ещё синей.
“Иордани” в морозном инее,
Грай вороний да скрип саней.

И под утро к Крещенской проруби
В час урочный, в урочный срок
Снегири слетят, а не голуби,
Как Предтечи грядущих строк!